

цинымъ въ 711 г. 3000 пудъ, и за оный вывезенный подрядный 3000 пуд. табаку по написанной на указахъ цѣнѣ 3 руб. за пудъ и того—9000 р. вмѣсто выдачи зачтены торговъ его въ Архангелогородской таможенѣ прошедшихъ 711—712 годовъ на пошлины и нѣнѣ просить, дабы тотъ Гарнишъ 3000 пуд., также и описный въ Вологдѣ отъ прежнихъ лѣтъ оставшійся за продажею англиской компаніи у консула К. Гутвела 9779 пуд. 26 фунтовъ и того съ нѣнѣшними 3,000 пуд. 12,779 пуд. 26 ф. табакъ повелѣно было указомъ взять для продажи въ другія губерніи, дабы отъ многовременнаго залежанья гниlostью того табака не учинилось многого государевой казнѣ убытка, а немалое число его уже и попортилось, о чемъ и въ прежнихъ его отпискахъ писано, а ежели тотъ табакъ взять не будетъ и его невозможно въ одной Архангелогородской губ. испродать и въ 20 лѣтъ, потому что въ Архангелогородской губ. и сверхъ того табакъ можетъ продажа удовлетворяться, того ради просить Прав. Сенатъ, да повелѣно будетъ тѣ 9,000 руб. зачестъ за Архангелогородскую губ. въ положенное число для того, что тѣ деньги подлежатъ быть въ наличномъ Архангелогородской таможенѣ пошлинномъ числѣ, которымъ исправляется положенное на Архангелогородскую губ. расходовъ число.

По этому дѣлу состоялся приговоръ 1713 г. марта 16 по указу великаго государя послать указъ къ вице-губернатору, велѣть ему упомянутый табакъ осмотрѣть и перебрать и освидѣтельствовать—весь ли тотъ табакъ добрый и цѣтъ надъ нимъ какой порухи, да тотъ осмотръ прислать въ Канцелярію Прав. Сената (Кн ³¹/₃₁ л. 320—330).

Изъ этого дѣла видно, какую важную роль даже въ ту эпоху играла Архангельская губ. съ своимъ портомъ для ввозной торговли въ Россію. Очень жаль, что позже мы забыли объ этомъ, и это очень сильно чувствуется въ настоящую великую войну.

С. Фарфоровскій.

Архангельскій Кольцовъ.

(Михайло Сусиновъ—поэтъ-самоука 1-ой пол. XIX вѣка).

Тѣхъ, кто вematривался въ жизнь русской деревни, близко къ ней подходилъ, сливалъ бѣшеніе своего сердца съ бѣшеніемъ великаго народнаго сердца; кто пытался понять, чѣмъ живетъ, о чемъ думаетъ, во что вѣрить крестьянская Россія,—тѣхъ, вѣроятно, поражало одно въ высокой степени отрадное явленіе. Несмотря на „власть тьмы“, которая царитъ надъ русской деревней, несмотря на крайне неблагопріятныя условія для всякаго рода культурно-просвѣтительной дѣятельности,—деревня, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, жадно тянется къ свѣту, знанію, ищетъ въ книгѣ отвѣта на самые животрепещущіе вопросы современности.

Мало того, эти лучшие представители,—или какъ принято ихъ называть—сельская, крестьянская интеллигенція,—не только стремятся къ накопленію знаній, не только насаивны въ ихъ воспріятіи. Наоборотъ, здѣсь, какъ нигдѣ, быть можетъ, какъ ни въ какомъ иномъ социальномъ слоѣ, оправдывается прекрасная притча Христова о сѣмени, упавшемъ

на плодородную почву. Интеллигенція полей и лѣсовъ проявляетъ высокую активность: она тотчасъ превращаетъ свои книжныя знанія въ орудіе борьбы съ окружающей косностью и темнотой.

Иногда она идетъ еще дальше.—иногда она стремится воздѣйствовать на такіе слои населенія, которые и территориально и духовно далеки отъ нея. Усильхъ ея выступленій въ такихъ случаяхъ большей частью посредственный. Но это обстоятельство ни въ какой мѣрѣ не является показателемъ духовной слабости подобныхъ выступленій. Имъ не недостаетъ одного: школы и широкаго взгляда на жизнь.

Однако, было бы несправедливо сдѣлать столь категорическое обобщеніе относительно всѣхъ представителей сельской интеллигенціи. Среди нихъ были и есть въ настоящее время люди съ пламенной душой, съ искрой Божіей въ сердцѣ, со свѣтлымъ умомъ, которые творятъ жизнь наравнѣ съ признанными, „патентованными“ ея творцами...

Особенно же сильна туга деревни къ поэтическому творчеству, къ желанію излить свои мысли, переживанія, все сокровенное своего „я“ въ рифмованной строчкѣ.

Такова психологическая черта цѣлыхъ народовъ, такова психологія отдельныхъ лицъ изъ народа, которыхъ называютъ то „самоучками“, то самородками, то просто „неумными и неинтересными рифмоплетами“. Къ числу „самоучекъ“ относится, между прочимъ, и одинъ изъ уроженцевъ Архангельской губерніи—*Михаило Сухановъ*, имя котораго пользовалось нѣкоторой извѣстностью въ литературныхъ кругахъ первой половины XIX вѣка, и который дерзновенно взялъ эпитаграммъ къ одной книгѣ своихъ стиховъ слѣдующее мѣсто изъ Державина:

Меня ничто вредить не можетъ,
Я злобу твердостью сотру,
Враговъ моихъ червь кость словетъ,
А я пить—и не умру.

Вслѣдствіи, когда мнѣ придется разсматривать самое творчество Суханова, я постараюсь отмѣтить, что поэтъ вовсе не былъ столь высокаго мнѣнія о своихъ поэтическихъ достоинствахъ, такъ какъ позже*) скромно называлъ себя „плохимъ сельскимъ бандуристомъ“ (письмо 1840 г. къ А. Грену), но онъ безусловно правъ, ссылаясь на свою „твердость“: дѣти народа, плоть отъ его плоти и кровь отъ крови его, поэты-самоучки на всю жизнь сохранили какую то необычайную крѣпость духа, несокрушимую силу воли.

Лучшимъ подтвержденіемъ этого положенія служить жизнь самого Суханова.

„Михаилъ Дмитріевичъ Сухановъ, какъ говорится въ предисловіи къ его „Баснямъ, пѣснямъ и разнымъ стихотвореніямъ“ (СПб., 1828 г.)—родился въ Книжеостровской волости, Архангельской губерніи, деревнѣ Словинской“. Онъ происходилъ изъ такъ называемыхъ „экономическихъ черноземныхъ крестьянъ“.

Суханова незвѣстна. Однако, она можетъ оподобно возстановлена изъ нѣкоторыхъ

„Баснямъ“, издатели Суханова говорятъ, книги, было 26 лѣтъ. Самая книга вышла Сухановъ родился въ 1801—1802 г.г.

Эта дата подтверждается и позднѣйшимъ биографомъ нашего самоучки А. Гренемъ—въ его статьѣ о Сухановѣ, напечатанной первоначально въ „Сѣверной Пчелѣ“ (1851 г., № 197), а затѣмъ перепечатанной безъ всякаго измѣненія въ газетѣ „Золотое Руно“ (1859 г., № 14) и въ журналѣ „Петроградскій Вѣстникъ“ (1861 г., № 6).

Грениъ, заканчивая свою биографическую замѣтку, пишетъ, между прочимъ: „въ 1843 году я случайно зашелъ въ одну книжную лавку и здѣсь получилъ горестное извѣстие, что Сухановъ въ *апрѣль мѣсяцъ 1843 года* умеръ“. Ему было,—добавляетъ биографъ,—не болѣе 40 лѣтъ.

Такимъ образомъ, теперь съ еще большей опредѣленностью можно утверждать, что 1801--1802 года (и, пожалуй, даже именно—1802 г.) являются наиболѣе вѣроятной датой рожденія Архангельскаго поэта. Гдѣ умеръ Сухановъ—тоже неизвѣстно, но тотъ же Грениъ указываетъ, что въ 1842 году нашъ поэтъ уѣхалъ въ Понгородъ и что „оттуда онъ ничего не писалъ“. Не значить ли это, что вскорѣ по прїѣздѣ Сухановъ заболѣлъ, и что болѣзнь не выпускала его изъ своихъ объятій до апрѣля 1843 года, когда онъ окончательно „пропалъ изъ виду“?

Раннее дѣтство Суханова прошло въ сравнительно благопрїятной обстановкѣ, хотя, повидимому, онъ остался сиротой со стороны матери, будучи еще совсемъ маленькимъ. Иначе, какъ этимъ обстоятельствомъ, нельзя объяснить того, что онъ,—какъ говорится въ предисловіи къ „баснямъ“,—„до 9 лѣтъ проживалъ въ деревенской *мѣшинѣ умной и обоброй бабушки*, которая его очень любила“. Но уже съ 11 лѣтъ для мальчика наступили тяжелые трудные дни, дни лишеній и слезъ, которые только значительно позже скрашивались, если не восторгами творчества, то, во всякомъ случаѣ, нѣкоторымъ творческимъ удовлетвореніемъ.

Какъ бы то ни было, „на 11 году отдали Суханова въ сибѣльцы къ одному купцу мѣшаль, гдѣ было мальчику худое житье: онъ принужденъ былъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ перетаскивать на себѣ мѣшочки съ мѣдными деньгами для обмѣна. Скупою хозяйнѣ кормить скупо, и въ 1812 и 1813 году Сухановъ зимою въ трескуцій морозъ въ легонькомъ платьѣ, проставая у лавки цѣлые дни съ семи часовъ утра до семи часовъ вечера, на морозѣ, пересчитывалъ деньги, такъ что пальцы часто примерзали къ мѣди отъ холода... Видя, что здоровье его ослабѣвало, родные взяли его изъ лавки мѣшаль и отдали другому купцу, у котораго онъ жить уединенно, но покойно“. („Басни, пѣсни и разныя стихотворенія“. Извѣщенія „отъ издателей“).

У этого—второго—купца Сухановъ пристрастился къ чтенію, причемъ „русской грамотѣ“ и письму онъ научился самостоятельно, безъ учителей, „съ однимъ прилежаніемъ“.

„Чтеніе раскрыло его умственные способности и возбудило любовь въ словесности.“

Насколько, дѣйствительно, незаурядны были эти способности, ясно изъ другого источника, совершенно безпристрастнаго къ нашему самоучкѣ.

Источникъ этотъ—записки курскаго дворянина Деменковашаго около 1820—25 г.г. во флотѣ въ Архангельскѣ. Небольшая держка изъ записокъ, относящаяся какъ разъ къ Суханову г. Добротворскимъ въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1888 г.²⁰ Имя Деменкова объ Архангельскомъ самоучкѣ,—въ нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ въ *истории, географіи, литературѣ* достаточно читалъ; но его образованіе не имѣетъ ниче

систематичнаго. Порою онъ высказываетъ такія знанія о нѣкоторыхъ предметахъ, *какихъ нѣтъ ни у одного изъ насъ* (моряковъ, отличившихся несомнѣнною образованностію. А. П.), а иногда доходитъ до наивности ребяческой, потому что не знаетъ самыхъ простыхъ вещей. Онъ *хочетъ учиться французскому языку* и желаетъ побывать гдѣ-нибудь за-границей.

Онъ достаетъ книги отовсюду, гдѣ только можно достать, и собралъ у себя уже достаточное количество, но жалѣетъ, что не можетъ достать лучшихъ для руководства и заняться ими на свободѣ *къ основательному изученію и образованію себя*: (Р. Арх., 1888, кн. 2). Однако мысль Суханова, разбуженная книгой, не ограничивается однимъ изученіемъ книжнаго матеріала. Ему хочется творить.

„Случайно,—разсказываетъ далѣе Деменковъ,—попали къ нему въ руки стихотворенія Ломоносова. Онъ съ жаромъ принялся изучать ихъ, имѣя цѣлью начать писать самому такія же стихотворенія, какія писалъ его великій соотечественникъ. Скоро онъ, дѣйствительно, началъ пописывать стихи; послѣдніе выходили на первыхъ порахъ плохи, но онъ былъ очень доволенъ ими и читалъ ихъ всѣмъ своимъ знакомымъ. Нѣкоторые одобрили его занятія; онъ сталъ работать неутомимо, просиживалъ за стихами цѣлыя ночи, но не забывалъ при этомъ и своихъ торговыхъ дѣлъ. Отецъ его, чтобы пристроить сына, завелъ для него лавочку въ Архангельскѣ и посадилъ за прилавокъ, передавши всю торговлю въ его полную отчетность.

Въ Архангельскѣ молодой Сухановъ познакомился, благодаря своимъ стихамъ, съ нѣкоторыми молодыми лицами изъ моряковъ и они уговорили его послать стихи въ „Русскій Инвалидъ“, гдѣ они и были напечатаны за полною подписью Суханова“.

Такъ, по словамъ Деменкова, началась литературная дѣятельность Архангельскаго поэта.

Нѣсколько иначе изображаютъ ее издатели Сухановскихъ „Басень“. „Сухановъ пріѣхалъ *) въ Петербургъ для прокормленія себя работою. Развивающемуся дарованію необходимо ободреніе, и здѣсь О. В. Булгаринъ первый обратилъ вниманіе на способности Архангельскаго крестьянина-поэта; въ 1826 году въ „Сынѣ Отечества“ въ первый разъ появилось сочиненіе Суханова: это стихи, внушенные чувствами радости по случаю священнаго коронованія нынѣ благополучно царствующаго Государа Императора **). Ободренный вниманіемъ литераторовъ ***) и отзывами читателей, Сухановъ въ короткое время написалъ много стихотвореній, русскихъ пѣсенъ и остроумныхъ басень въ стихахъ. Нѣкоторые изъ нихъ помѣщены въ разныхъ журналахъ и альманахахъ“.

Какой же изъ этихъ двухъ версій относительно начала литературной карьеры Суханова слѣдуетъ больше вѣрить? Мнѣ кажется, правы оба

*) Пріѣздъ его падаетъ на 1 сентября 1824 г., какъ видно изъ „Путевого журнала крестьянина Суханова“, напечатаннаго Свинымъ въ „Отеч. Зап.“ за 1828 г., № 97, стр. 193—213. Изъ этого же журнала явствуетъ, что изъ Архангельска Сухановъ тронулся 29 июля 1824 г.

**) Стихи эти напечатаны въ „Басняхъ, пѣсняхъ и разныхъ стиховъ“. Они оригинальны своимъ былиннымъ размахомъ, но совершенно безцвѣтны по содержанию.

***) Здѣсь разумѣется тотъ кружокъ литературныхъ консерваторовъ и политическихъ обкурантовъ, въ составъ котораго входили Булгаринъ, Шишковъ, уже престарѣлый президентъ Россійской Академіи, вѣстунъ самоучекъ Б. М. Федоровъ и т. п. лица.

источника. Несомнѣнно, Сухановъ писалъ стихи еще и въ бытность свою въ Архангельскѣ, до поѣздки въ далекій Петербургъ. Но несомнѣнно также, что Деменковъ ошибается, говоря о помѣщеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“. Врядъ-ли А. Ф. Воейковъ сталъ бы печатать въ издаваемомъ журналѣ негладкіе, шероховатые опыты далекаго провинціала.*)

Поэтому, какъ это ни горько, придется признать крестнымъ отцомъ Суханова по части появленія его въ печати, никого другого, какъ самого Фаддея Булгарина.

Первая попытка печататься до известной степени опредѣлила дѣльнѣйшее направленіе Сухановскаго творчества и опредѣлила не въ ту сторону, какая наиболѣе соответствовала его поэтическому настроенію.

Сухановъ, по справедливости, былъ непосредственный поэтъ. Въ его стихотвореніяхъ, больше чѣмъ у современныхъ ему поэтовъ-самочуекъ—Слѣпнишкина и Алипанова, сказывается присутствіе живой народной наблюдательности, живого чувства, которое къ тому же стремится вылиться въ чисто народныхъ образахъ, а по размѣру—приближается къ народной пѣснѣ.

Но Сухановъ попалъ въ среду Федоровыхъ, Шишковыхъ, Булгаринныхъ, литературное *credo* которыхъ прекрасно изображено Бѣлинскимъ въ его „Взглядъ на русскую литературу 1847 года“. Эти люди, сравнивая новую поэзію, поэзію Пушкинской плеяды, съ поэзіей старой, стилизованно-народной, говорятъ, по словамъ Бѣлинскаго: „Бывало, поэзія поучала забавляя, заставляла читателя забывать о тягостяхъ и страданіяхъ жизни, представляла ему только картины пріятныя и смѣющіяся. Прежніе поэты представляли и картины бѣдности, но бѣдности наружной, умытой, выражающейскромно и благородно, притомъ же къ концу повѣсти всегда появлялась чувствительная молодая дама или дѣвушка, дочь богатыхъ и благородныхъ родителей, а не то благодѣтельный молодой человекъ—и во имя милого или милой сердца водворяли довольство и счастье тамъ, гдѣ была бѣдность и нищета, и благодарныя слезы орошали благодѣтельную руку—и читатель невольно подносилъ свой батистовый платокъ къ глазамъ и чувствовалъ, что онъ становится добрѣе и чувствительнѣе“.

„Короче,—формулируетъ въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій,—старая пѣтушка позволяеть изображать все, что вамъ угодно, но только предписываетъ, при этомъ, изображаемый предметъ такъ украсить, чтобы не было никакой возможности узнать, что вы хотѣли изобразить“. Вотъ каковъ былъ литературный „символь вѣры“ тѣхъ людей, покровительству которыхъ былъ обязанъ Сухановъ своими успѣхами и даже самой возможностью увидать напечатанными первыя свои произведенія. О томъ, чему учили его эти люди и какое они имѣли на него вліяніе, прекрасно повѣствуетъ его биографъ—А. Гренъ.

— Суханова,—пишетъ онъ въ „Петербургскомъ Вѣстникѣ“ (1861 г., № 6).—я видѣлъ въ первый разъ у адмирала А. С. Шишкова. Это было въ 1826 году, вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ его стихотворе-

*) Это предположеніе кажется особенно вѣроятнымъ, если сопоставить его съ мѣстомъ изъ Грена: „Сухановъ часто снабжалъ А. Ф. Воейкова (издателя „Русск. Инв.“) стихами; большая часть стиховъ его браковалась, а нѣкоторые печатались въ Литер. приб. (къ Русск. Инв.)“. Ясное дѣло, если при ближайшемъ знакомствѣ Воейковъ не перемонится съ Сухановымъ, то, не зная его, онъ, навѣрное, его не печаталъ.

ній, напечатанныхъ Россійскою Академіею *). Робкій, неуклюжій, но съ умнымъ, благороднымъ и честнымъ лицомъ, Сухановъ былъ истинный типъ русскаго человѣка. Въ простомъ синемъ кафтанѣ, съ подстриженными волосами, съ небольшою бородою, онъ стоялъ въ *почтительномъ отдаленіи* **) предъ добрымъ и просвѣщеннымъ русскимъ вельможею. На вопросъ адмирала онъ отвѣчалъ умно и ясно. Александръ Семеновичъ (Шинковъ) входилъ съ участіемъ во всѣ подробности его жизни, совѣтовалъ не торопиться писать стихи, предметы для своихъ произведеній брать изъ простой сельской жизни, описывать природу такъ, какъ она есть, *безъ выдумъ и прикрасъ, и не читать молодыхъ нашихъ поэтовъ, славящихся только звонкостью стиховъ, съ туманной далью, съ голубыми очами и какими то несуществующими идеалами*, какъ выразился почтенный адмиралъ* (Курс. мой. А. II.).

Такимъ образомъ, почти съ первыхъ дней литературной дѣятельности разные „почтенные адмиралы“, неудавшіеся драматурги и провозгласители пресловутой „народности“ старались обратить Суханова въ свою вѣру*.

Однако, живое поэтическое чутье, быть можетъ, слабо развитшееся, но безусловно всегда бывшее у Суханова, спасло его отъ рутинны и застоя стилизованной народности, которую столь фѣдко высмѣялъ „истовый Виссаріонъ“, и которая, какъ никакъ, отживала тогда свой вѣкъ.

„Сухановъ,—съ горечью замѣчаетъ Гренъ,—не послушался добрыхъ совѣтовъ адмирала Шинкова, читалъ безъ разбора пустыя книженки, набрался поэтичей поэзіи, и написалъ много стиховъ, правда, гладкихъ и звучныхъ, но пустыхъ и безцвѣтныхъ, въ которыхъ рѣдко случалось встрѣчать свѣтлую мысль и дѣльный предметъ“.

Мнѣ пришлось довольно долго остановиться на первыхъ выступленияхъ Суханова въ петербургскихъ литературныхъ кругахъ. Это было крайне необходимо для того, чтобы выяснить, въ силу какихъ причинъ его талантъ получилъ специфическое и безусловно неподходящее направленіе. Къ этому я вернусь впоследствии. Теперь же продолжу свою біографическую замѣтку.

Несмотря на знатное покровительство, какое встрѣтила въ Петербургѣ муза Суханова, ему жилось въ чужомъ и негостепріимомъ городѣ далеко не радостно. Приѣхавъ туда, чтобы получить какое-нибудь мѣсто, а свободное время посвятить занятіямъ наукой (вспомнимъ его архангельскія мечты о „заграничѣ“ и „французскомъ языкѣ“!), Сухановъ еле-еле сводилъ концы съ концами. Онъ „имѣлъ пристанище у ремесленника, которому помогалъ въ работѣ. Нѣсколько времени онъ не имѣлъ теплаго платья, а открыться въ крайности и просить стыдился“.

Вотъ, что писалъ онъ 2 іюня 1826 года:

Мой другъ, не говори мнѣ больше о стихахъ!
Я занятъ всякой день претягостной работой.
Вагляни, мозоли на рукахъ...
По я съ охотою
Сношу тяжелый жребій мой.

*) Гренъ ошибается, — стихотворенія С. вышли не въ 1826 г., а въ 1828 г. и не въ „Наданіи Россійскою Академіею“: ихъ издавъ Б. М. Федоровъ, другъ и покровитель самоучекъ.

**) Очень характерна маленькая подробность, такъ идущая въ параллель со всѣмъ тономъ бесѣды.

И, все-таки, хотя ему не хочется „говорить о стихахъ“, онъ не удерживается, чтобы не подѣлиться тѣмъ, на чемъ отдыхаетъ его душа:

Сказать ли какъ живу? Встаю всегда съ зарей;

Возьму ведро и—за водой

Иду на славную Неву...

Любуюсь, какъ бѣжитъ волна вслѣдъ за волной.—*)

и т. д., и т. д. Поэзія природы тянетъ его къ себѣ, какъ ни тяжки условія жизни.

Нѣсколько улучшилось положеніе Суханова только въ 1827 году, когда „лѣкто, примѣчая несмѣлость Суханова, признакъ благородной души, при отличномъ трудолюбіи и поведеніи,—доставилъ ему мѣсто повѣреннаго по откупамъ въ Ярославской губерніи и собралъ стихотворенія его въ одну книгу для изданія въ пользу Суханова“.

Кто же былъ этотъ „лѣкто“, который столь живо интересовался судьбой нашего самоучки? Да все тотъ же Б. М. Федоровъ, который издалъ и Сухановскія „Басни“ и устроилъ Суханова на „откупы“. За эту любовь Федорова къ „сельскимъ поэтамъ“ ему простятся многіе литературные грѣхи... По крайней мѣрѣ, уже черезъ 7 лѣтъ, въ 1834 году въ стихотвореніи „къ Г. В. Д—ву“ Сухановъ съ теплымъ чувствомъ вспоминаетъ Федорова:

Семь лѣтъ назадъ (въ дни бѣдъ и испытаний)

Я былъ тогда надъ грозною пучиной

Житейскихъ бѣдъ—ревущей подо мною.

И мнилъ въ нее низринуться всечасно!

Господь явилъ вдругъ надо мною чудо,

Онъ ангела—Хранителя послалъ... **)

Этотъ ангелъ-хранитель, какъ явствуетъ сноски, былъ „Б. М. Федоровъ“.

Но недолго продолжалось благополучіе Суханова. „Сухановъ отправился Ярославской губерніи въ Пошехонскій уѣздъ, въ село Сосновецъ, но между тѣмъ Архангельское общество, по случаю рекрутской очереди, падающей на семейство Сухановыхъ, потребовало его возвращенія“.

Надъ Сухановымъ нависла новая гроза. Его литературные друзья забили тревогу. Они, „опасаясь, чтобы такой нечаянный переворотъ судьбы (рекручина) не имѣлъ бѣдственнаго вліянія на слабое здоровье Суханова, рѣшили послѣдить изданіемъ сочиненій Суханова, дабы продажею экземпляровъ сей книги собрать сумму, достаточную на выдачу за него рекрутской квитанціи обществу, и въ надеждѣ, что всѣ неравнодушные къ пользѣ отечественнаго просвѣщенія пожелаютъ имѣть книгу, и тѣмъ содѣйствовать къ ободренію дарованій Архангельскаго крестьянина-поэта“ ***).

Неизвѣстно, какой успѣхъ имѣла эта книга и оправдала ли она надежды издателей. Во всякомъ случаѣ, Сухановъ остался на свободѣ и даже въ 1828 году получилъ серебряную медаль отъ Россійской Академіи за свои „Басни, пѣсни и разныя стихотворенія“ ****).

*) „Басни, пѣсни и разныя стих.“, отд. Смѣсь.

**) „Мои сельскіе досуги“, стр. 46.

***) Эта цитата, равно какъ и всѣ предыдущія, взята изъ предисловія издателей къ „Баснямъ, пѣснямъ и разн. стих.“. Въ цензурномъ экземплярѣ это мѣсто вычеркнуто и рукою цензора Сербиновича (и то только для конца предисловія) сдѣлана помѣтка „перемѣнено“.

****) Арх. Рос. Ак., 1828, 42. Зап.

Но еще раньше появленія этой книги онъ усердно печатается во многихъ періодическихъ и неперіодическихъ изданіяхъ: встѣдъ за стихотвореніемъ о чувствахъ, вызванныхъ коронаціей Императора Николая I, которое появилось въ 1826 г. въ „Сынѣ Отечества“, стихи Суханова проскальзываютъ и въ „Новой дѣтской бібліотекѣ“, изд. В. Федоровымъ, и въ „Благонамѣренномъ“ (1826 г., № 11), и въ „Славянищѣ“ Воейкова (1827 г., № 13 и 14).

А. Ивановъ.

(окончаніе слѣдуетъ)

Памяти Александра Ивановича Воейкова.

28-го января с. г. въ Петроградѣ скончался заслуженный профессоръ физической географіи Императорскаго Петроградскаго университета Александръ Ивановичъ Воейковъ. Не стало крупной, талантливой и обаятельной личности,—человѣка, которымъ по праву будетъ долго гордиться Россія!

Покойный родился въ Москвѣ въ 1842 году, гдѣ и получилъ среднее образованіе. Въ 1860 году онъ поступилъ на физико-математическій факультетъ Петроградскаго университета, но оставилъ его встѣдствіе происшедшихъ въ то время студенческихъ волненій и дальнѣйшее образованіе получалъ за границей—въ Берлинскомъ, Гейдельбергскомъ и Геттингенскомъ университетахъ. Въ послѣднемъ онъ получилъ и степень доктора философіи. Съ 1866 года начинается серія его большихъ путешествій, къ которымъ онъ питалъ пристрастіе съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Онъ посѣтилъ восточный Кавказъ, объѣхалъ Европу, перѣхалъ въ Соединенные Штаты, былъ въ Канадѣ, Мексикѣ, Южной Америкѣ; отсюда совершилъ путешествіе въ Индію, Яву и Японію. О всѣхъ путешествіяхъ онъ помѣстилъ обстоятельныя статьи въ трудахъ Императорскаго русскаго географическаго общества, членомъ котораго онъ былъ съ 1866 года. Во время пребыванія въ Америкѣ А. И. Воейковъ работалъ въ Смитсоновскомъ институтѣ въ Вашингтонѣ и по порученію секретаря этого института вышустилъ замѣчательную работу о вѣтрахъ земного шара, доставившую ему сразу большую извѣстность.

По возвращеніи въ Россію въ концѣ 80-хъ годовъ Александръ Ивановичъ отдался научной работѣ и принималъ самое дѣятельное участіе въ трудахъ географическаго общества. Въ 1880 году началъ читать лекціи въ Петроградскомъ университетѣ сначала въ качествѣ доцента, а съ 1885 года и ординарнаго профессора. Въ 1884 году онъ вышустилъ въ свѣтъ замѣчательное произведеніе—„Климаты земного шара“, переведенное уже въ 1887 году на нѣмецкій языкъ. За этотъ трудъ онъ былъ удостоенъ Московскимъ университетомъ почетной степени доктора физической географіи.

Въ 1883 году онъ возродилъ существовавшую при географическомъ обществѣ метеорологическую комиссію, предсѣдателемъ которой и состоялъ до самой кончины. Работа этой комиссіи подъ руководствомъ своего талантливаго предсѣдателя имѣла огромное вліяніе на развитіе метеорологическаго дѣла въ Россіи и на развитіе русскои метеорологіи, какъ науки.

Въ 1891 году по инициативѣ Александра Ивановича возникъ первый въ Россіи метеорологическій журналъ: „Метеорологическій Вѣст-

Архангельскій Кольцовъ.

(Мислѣю Сухановъ—поэтъ-самоучка 1-ой пол. XIX вѣка).

(Оковчаніе. См. № 3 „Извѣстій“ за т. г.).

Изъ неперіодическихъ изданій Сухановъ встрѣчается въ альманахѣ „Карманная книжка для любителей русской старины и словесности на 1830 г. Олина“; затѣмъ въ альманахѣ Федорова „Памятникъ отечественныхъ музъ“ (1827 г.), гдѣ появляется популяризирующая, по словамъ изслѣдователя, въ дальнѣйшихъ пѣсенникахъ и сборникахъ романсовъ русская пѣсня: „Красна дѣвица сидѣла подъ окномъ“, и, наконецъ, въ 1828 году Сухановъ получаетъ большую радость—первый томикъ своихъ поэтическихъ опытовъ...

Нашъ самоучка сразу пріобрѣтаетъ большую популярность, которая не уступаетъ „популярности „самого“ Слѣпушкина“ (Н. Трубицынъ. О народной поэзіи etc., стр. 494).

Чтобы понять, что это значитъ, надо припомнить, какъ возлились и носились съ ярославскимъ поэтомъ*),—и тогда станетъ яснымъ, какое большое впечатлѣніе произвелъ Сухановъ на аристократически пресыщенную и скучающую петербургскую публику.

Но, оказывается, имъ интересуются не одни литературные консерваторы, оказывается также, что онъ печатается не только въ пѣсенникахъ или сборникахъ романсовъ, а проникаетъ туда, гдѣ царили литературные противники Шишковыхъ, Булгаринныхъ и К^о: „изъ журналовъ,—говоритъ изслѣдователь,—даже Дамскій—Шаликова и Атенеи—Павлова предоставляютъ ему мѣсто, особенно пѣснямъ и баснямъ“ (Н. Трубицынъ. О народной поэзіи etc., стр. 494—495).

Россійская Академія отмѣтила первое самостоятельное выступленіе Суханова серебряной медалью. Журнальная критика оказалась также благосклонной къ нашему поэту.

„Сѣверная Пчела“ (1828, № 149) говорила устами Булгарина: „въ басняхъ Суханова много остроумія, въ стихотвореніяхъ—пѣсняхъ правится милая прогота, познаніе русскихъ обычаевъ и чувство“.

Въ „Сынѣ Отечества“ (ч. 121, 373) хвалилось „непритворное чувство“ поэта, хотя указывалось, что „духъ русскихъ простонародныхъ пѣсень не всегда выдержанъ“, но что, все-таки „друзья просвѣщенія должны радоваться, что у насъ появляются писатели изъ простаго званія“.

Свицинь, какъ отмѣчалось выше, напечаталъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ даже прозаическое и, въ сущности, неинтересное произведеніе Суханова—его „Путевой журналъ отъ Архангельска до С.-Петербурга“, при чемъ, по словамъ издателя, журналъ этотъ „служитъ пріятнымъ свидѣтельствомъ чистоты слога, съ какою бросаетъ свои мысли русскій крестьянинъ“...

Можно бы умножить всѣ эти цитаты и показанія современниковъ, но, я думаю, и ихъ достаточно, чтобы понять, что Сухановъ пользовался въ первые годы своего пребыванія въ Петербургѣ несомнѣнной популярностью и вниманіемъ.

*) Ф. Н. Слѣпушкинъ, поэтъ-самоучка, крестьянинъ Романовскаго у. Ярославской губ., котораго считали „Русскимъ Гейбодомъ“, съ котораго писали портреты, и который, наконецъ, былъ представленъ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, а отъ Императора Николая I и Александры Феодоровны получилъ золотой кафтанъ и золотые часы.

Однако, ни эта популярность, ни сановитыя знакомства не избавляли Суханова отъ необходимости заботиться о своемъ существованіи.

Вѣроятно, этимъ объясняется его постоянное перекочевываніе съ мѣста на мѣсто, о которомъ рассказываетъ Грень.

„Безпокойный Сухановъ не любилъ долго жить на одномъ мѣстѣ, — пишетъ онъ, — часто перебирался онъ изъ Петербурга въ Новгородъ, въ Вятку, въ Пошехонье, въ Архангельскъ“.

Слѣды такой подвижности сохранились и въ стихотвореніяхъ Суханова, которыя помѣчены самыми разнообразными пунктами Сѣвера.

Одно изъ стихотвореній содержитъ, между прочимъ, любопытную біографическую подробность.

Покидая Пошехонье, Сухановъ обращается къ Надниѣ, „прелестной пятнадцатилѣтней пѣвицѣ, пѣвшей съ рѣдкимъ искусствомъ и пріятностью многія русскія пѣсни“:

Не расцѣвай веселыхъ пѣсень,
О ты, прелестная изъ фей!
Мнѣ городъ душень сталъ и тѣсень, —
Въ деревню удалюсь скорѣй.

* * *

Тамъ, въ хижинѣ^{*} уединенной
Я буду дни препровождать,
Съ моею подругой несравненной
Блаженство райское вкушать, —

и здѣсь поэтъ дѣлаетъ многозначительную сноску: „авторъ имѣлъ на мѣреніе, прибывъ на родину“.... Повидимому, къ шипамъ жизни прибавились ядовитые шипы любви...

А что ни въ Пошехоньѣ, ни въ Новгородѣ, ни въ другихъ мѣстахъ Суханову не жилось особенно хорошо, — это сквозитъ во многихъ стихотвореніяхъ. Такъ, въ 1832 году онъ съ горечью говоритъ про Вятское (Вятку?):

Я здѣсь пришлецъ! Подъ чуждымъ небомъ я!
Далеко отъ родныхъ,
Ни отъ кого не видѣлъ ласки я,
Страдая каждый мигъ. *)

Скитанія, вредно отражаясь на здоровьѣ Суханова, которое съ малыхъ лѣтъ не было крѣпко, принесли, однако, ему не малую пользу. Онъ „позналъ русскіе обычаи“ и, что особенно важно, совершенно преникъся строемъ пѣсенной рѣчи. Это значительно смягчило вліяніе на него различныхъ знатныхъ покровителей. Это же дало ему возможность выпустить въ 1840 году „Древнія русскія стихотворенія“, собранныя во время путешествій по губерніямъ: Новгородской, Архангельской и по Пошехонью. „Стихотворенія“ были встрѣчены критикой весьма сочувственно (см. „Сочиненія“ Плетнева, т. II, стр. 304—305).

Выходу „Стихотвореній“ предшествовалъ еще одинъ любопытный эпизодъ въ жизни Суханова, рассказанный тѣмъ же А. Греномъ и рисующій довольно хорошо нравственный обликъ поэта.

— Въ 1840 году, — повѣствуетъ Грень, — я нашелъ Суханова у одного книгопродавца. Здѣсь Сухановъ былъ не на своемъ мѣстѣ. Для книгопродавца нуженъ былъ приказчикъ бойкій, смѣтливый, старающійся вылусть изъ хозяйской лавки съ барышемъ книжный хламъ, ле-

*) Стих. взяты изъ „Моихъ сельскихъ досуговъ“, стр. 72 и 26

жащій въ грузахъ на полкахъ и ожидающій простака-покупателя. Сухановъ же былъ лѣтній и вмѣстѣ съ тѣмъ человекъ правдивый. Я самъ былъ нѣсколько разъ свидѣтелемъ, какъ С. отвѣтовать покупателямъ покупать пустыя книженки, говоря: „книга не стоитъ ни гроша!“ Естественно, что при такихъ торговыхъ способностяхъ нашъ самоучка черезъ мѣсяць—два долженъ былъ покинуть свою службу у книгопродавца и опять „отправиться путешествовать“.

Выпускъ „Стихотвореній“, хотя и одобренный, понятно, не спасъ Суханова отъ нужды. Изъ разсказовъ Грена видно, что въ тискахъ ея онъ былъ всю жизнь, до самой своей смерти.

По заказу книгопродавцевъ онъ составлялъ сборники русскихъ пѣсенъ, писалъ плохія дѣтскія книженки и даже издавалъ „сонники“ и „оракулы“. За каждую подобную составленную имъ книжку онъ получалъ отъ нашихъ аферистовъ—книгопродавцевъ рублей 25, а много 50 ассигнаціями. Изъ бѣдности же онъ свѣшилъ писать стихи, издавая ихъ по подпискѣ, за что получалъ рублей 200 или 300 ассигнаціями. Последнее бывало рѣдко, такъ тотъ же Гренъ указываетъ, напр., на плохое распространеніе сухановскихъ „Древнихъ россійскихъ стихотвореній“: они, по его словамъ, еле окупили расхоль на бумагу и печатаніе“.

И недаромъ, въ „Эллегіи“, написанной въ 1831—32 году, поэтъ восклицаетъ:

Дождусь ли я спокойныхъ дней?
 Въ бѣдахъ мои проходить лѣта,
 Найду-ль пріютъ я въ жизни сей
 Въ какойнибудь глуши отъ свѣта?
 Дождусь ли я?

* * *

Дождусь ли я—Создатель мой!—
 Чтобы кусокъ насущный хлѣба
 Не облить былъ моей слезой?
 Переменится ль жребій мой?
 Счастливой участи отъ неба!
 Дождусь ли я?

Сухановъ не дождался „счастливой участи“. Небо, суровое къ нему въ началѣ жизненнаго пути, не дало радости и въ концѣ его.

Онъ умеръ больной. Умеръ вдали отъ родныхъ мѣстъ, „чуждымъ пришельцемъ среди чуждыхъ людей“.

II.

Содержаніе сухановскаго творчества разнообразно: Сухановъ писалъ и басни, и лирическія эллегіи, и стансы, и пѣсни, народныя по формѣ, но глубоко-личныя по замыслу, и прозаическія вещи вродѣ своего „Путевого журнала“.

Все, имъ написанное, далеко не равноцѣнно: въ то время, какъ „Путевой журналъ“—произведеніе безусловно не интересное, запечатлѣнное полнымъ отсутствіемъ чувства,—его Пѣсни“ приближаются къ пѣснямъ Кольцова, составляютъ какъ бы преддверіе къ творчеству великаго прасола.

Взгляните, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы на такое стихотвореніе Суханова.

Блюкъ.

Ахъ, постыло все мнѣ—
 Па чужой сторонѣ,
 Среди дня
 У меня
 Льются слезы въ два ручья.
 Осѣдаю коня,
 Коня добраго я—
 Вороной.
 Конь лихой,
 Легокъ, быстръ полнь огня—

П т. д. *)

Или вотъ еще одно стихотвореніе, въ которомъ какъ и въ предыдущемъ, только междометіе „ахъ“ является данью средѣ, окружавшей поэта:

Ласточка

Ты не вейся, ласточка,
 Не кружись, касаточка,
 Надъ моею хижиной.
 Ахъ! къ моей-то хижинѣ
 Заросла дороженька
 Пригустой крапивью!
 А у бѣдной хижины
 Развалилась лѣсенка,
 Подмочилась горенка,
 Пораскрылась кровелька,
 Знать тутъ нѣтъ хозяина!
 Не найдешь ты, ласточка,
 Гдѣ-бъ могла свить гнѣздышко.
 Ты не вейся, ласточка,
 Не кружись, касаточка,
 Надъ моею хижиной.

Кромѣ этихъ стихотвореній, народность которыхъ—и, при этомъ, народность хорошая, не нарочито-стилизованная—не подлежитъ сомнѣнію, у Суханова есть еще цѣлый рядъ „романсовъ“ и пѣсенъ, ставящихъ его безусловно выше Слѣпушкина и,—какъ говорить повѣйшей изслѣдователь „литературнаго обихода первой трети XIX вѣка“—г. Трубицынъ, выше Дельвига.

Многія пѣсни нашего самоучки сдѣлались въ его время неотъемлемой принадлежностью различныхъ пѣсенниковъ и сборниковъ, были въ большомъ обращеніи среди читающей публики.

Да и немудрено. Вся пѣсенная поэзія Суханова глубоко-народна не только по содержанію, по тѣмъ или инымъ темамъ,—она насквозь проникнута той тихой грустью, тѣмъ печально-цѣлостнымъ настроеніемъ, какое присуще русской пѣснѣ и какое наиболее соответствуетъ равнинному характеру русской души.

Достаточно просмотрѣть списокъ наиболее примѣчательныхъ стихотвореній сухановской музыки, чтобы увидѣть, какъ близокъ Сухановъ къ народной пѣснѣ, какой мы знаемъ ее, благодаря позднѣйшимъ запискамъ.

*) Мои сельскіе досуги, стр. 9.

Однако, живое чувство—неизмѣнный спутникъ Сухановскихъ пѣсень—покинуло его, какъ только онъ сталъ подражать своему „старшему собрату“. П отсюда въ душѣ Суханова зашевелилось недовольство собой и окружающимъ, недовольство, усугубленное болѣзью, о которой говорится въ предисловіи къ „Баснямъ“, и различными жизненными неурядицами.

Мой другъ!—жалуется онъ въ письмѣ къ „другу“:

Мой другъ! Мнѣ люди обѣщали
Составить счастье. Я мечталъ,
И дни за днями пролетали...
Я все напрасно ждалъ.

Далѣе онъ рѣшаетъ полагаться впредь не на людей, а на одного только Бога, который, по мнѣнію поэта, является единственной надежной опорой для слабыхъ человѣческихъ силъ.

Эта же мысль сквозитъ впоследствии въ нѣкоторыхъ другихъ стихотвореніяхъ, въ частности въ стихотвореніи-сказкѣ „Весенній сибѣгъ“.

Мизантропическому настроенію Суханова, которое особенно ярко сказалось во время пребыванія его въ Архангельскѣ въ 1834 году, въ значительной степени способствовали тѣ шипы любви, о которыхъ и упомянулъ выше.

Въ стихотвореніи, помѣченномъ 1 ноября 1834 года, Сухановъ горько исповѣдывается въ своемъ мизантропизмѣ:

Не вѣрь тѣмъ людямъ, что ласкають,
Не суйся тутъ, гдѣ приглашаютъ:
Гдѣ мягко стелютъ—спать бѣда!
Намъ осторожнымъ быть надобно всегда.

Если сопоставить это стихотвореніе съ другимъ, которое нашъ самоучка написалъ черезъ шесть лѣтъ послѣ посѣщенія Архангельска,—а, стало быть, и черезъ шесть лѣтъ неудачной попытки устроить семейное счастье,—мы поймемъ, что для мрачнаго взгляда на жизнь и людей у Суханова было слишкомъ много данныхъ.

Въ томъ стихотвореніи, на которое я здѣсь ссылаюсь и которое было написано въ 1840 году, Сухановъ жалуется, что онъ встрѣчаетъ весну „не съ милою“ и говорить, обращаясь къ счастливицѣмъ-ласточкѣмъ:

Наслаждался бы жизнью
Такъ, какъ ты весной,
Но... теперь страдаю я—
Не со мной она...
Злой судьбой или случаемъ
Мы разлучены.
О, не пой же—ласточка,
Не хвали весны!

Болѣзнь, постоянное скитаніе съ мѣста на мѣсто, нужда и, наконецъ, несчастная любовь,—всего этого было достаточно, чтобы озлобить человѣка, заморозить въ немъ всяческое біеніе живой души, живого сердца.

Но мы уже замѣтили, что Сухановъ сохранилъ неподдѣльное поэтическое чутье тамъ, гдѣ ему приходится сталкиваться съ деревней, быть ея пѣвцомъ. Въ частности, онъ безконечно любилъ свой Сѣверь...

Въ 1834 году, уѣзжая изъ Понеховья въ Архангельскъ, онъ восклицаетъ въ „Гласѣ несчастливца“ (Мои сельскіе досуги, стр. 45—50):

О, родина! Отеческій пріютъ—
Гдѣ тихо такъ моя мелькнула юность,
Какъ ручеекъ кристалльній межъ цвѣтами,—
Примите вновь меня подъ вашу сѣнь.
Въ моей душѣ мнѣ шепчетъ тайный голосъ:
Я обрѣту на родинѣ моей
Въ кругу родныхъ страдающимъ облегченье,
Я вновь узрю мнѣ милыхъ сердцу.

Боже!

Какъ щедро Ты за скорби награждаешь!..

Какъ видимъ, образъ родины вытѣсняется изъ души поэта всѣ самыя тяжелыя воспоминанія, и пересчитываніе на морозѣ мѣднхъ денегъ, такъ что пальцы примерзали къ похолодѣвшему металлу, и грубое обращеніе скупого кушца, и тѣ же нужду, голодь и холодъ, что были спутниками Суханова на протяженіи цѣлой жизни.

Но намъ еще неясны очертанія этого образа, который, подобно живой водѣ, чудодѣйственно врачуетъ душевныя раны.

И откровенно говоря, Сухановъ не далъ такого образа, какъ не можетъ любящій сынъ описать горячо любимую мать.

Только въ посланіи къ Н. П. Свиньину, издателю „Отечественныхъ Записокъ“, обнаруживается онъ „любовь, которую питаетъ къ милой родинѣ своей“,—и любовь эта вызываетъ у него слѣдующее, нѣсколько высокопарное, описаніе Сѣвера:

Тамъ есть прелестныя картины!—
восклицаетъ поэтъ. Какія же именно?
Поля подъ жатвой золотой,
Дубравы темныя, густыя,
Утесы дикіе, крутыя;
И кровы мирныхъ поселянъ;
И много рѣкъ большихъ, глубокихъ,
И шумъ лѣнящихся валовъ,
Ты бѣ тамъ слышалъ свистъ вѣтровъ
Между ущелій горъ высокихъ,
Еще бѣ увидѣлъ ты порой,—
Какъ солнце красное ложится
На влажной стихіи морской.
Но только полчаса продлится,
На твердь лазурную небесъ
Ужъ солнце ясное восходить...

Въ концѣ описанія поэтъ сознается, что ему невозможно дать полное представленіе о Сѣверѣ:

Но, льзи—ль понятіе о всемъ
Мнѣ дать сей слабою чертою?
Я только денетать порою
Могу о родинѣ моей.

Любя Сѣверъ, Сухановъ любилъ и сѣверныхъ людей. Изъ его біографіи намъ извѣстенъ удивительно трогательный случай, рассказанный Греномъ.

Однѣжды архангелогородскіе земляки его жаловались ему на неурожай и на свои недостатки. Сухановъ выслалъ имъ двадцать рублей своихъ трудовыхъ денегъ и приписалъ: „Простите, братцы, что мало: чѣмъ богать, тѣмъ и радъ“. И, дѣйствительно, добавляетъ Греть, — Сухановъ въ это время не имѣлъ ни гроша: занялъ деньги на толкучемъ рынкѣ у знакомаго букиниста и выслалъ землякамъ своимъ.

Сѣверянинъ по духу, народный пѣвецъ по чувству и настроенію, Сухановъ прошелъ незамѣченнымъ нашими лучшими людьми 30—40-хъ годовъ. О немъ не говорили иначе, какъ въ связи со Слѣпушкинымъ и Алипановымъ.

Даже Бѣлинскій, чуткій и бережно-вѣжливый къ Кольцову, не замѣтилъ, что среди „трехъ самообытныхъ поэтическихъ талантовъ“ — Слѣпушкина, Алипанова и Суханова, — которые, „будто пѣвцы, одинаково благоухающіе“, расцвѣли подъ заботливою рукою Булгаринныхъ и Шишковыхъ, Сухановъ занималъ особенное положеніе и былъ ближе всего не къ нимъ, а къ своему современнику и великому народному пѣвцу — Кольцову.

Позднѣйшій изслѣдователь долженъ отвести Суханову, правда, скромное, но наиболѣе соответствующее его настроенію и творчеству мѣсто*).

А. Ивановъ.

О вліяніи вѣтровъ на уровень воды въ Сѣверной Двинѣ и Бѣломъ морѣ **).

По вопросу о вліяніи вѣтровъ на уровень воды въ Сѣверной Двинѣ и Бѣломъ морѣ до послѣдняго времени специальныхъ работъ не имѣется. Въ „Лѣтціи Бѣлаго моря“ 1913 года по этому вопросу находимъ лишь слѣдующія общія указанія:

1) На стр. 125:

„Вѣтеръ имѣеть вліяніе на высоту прилива: вѣтры, дующіе попутно приливу, увеличиваютъ возвышеніе воды и скорость самаго течения. Увеличеніе скорости приливнаго течения при попутномъ ему свѣжемъ вѣтрѣ особенно рѣзко замѣтно въ сѣверной части моря. Вѣтры NW и NE увеличиваютъ приливъ почти во всемъ Бѣломъ морѣ, а SW и S увеличиваютъ паденіе воды и силу отливнаго течения“.

* *Литература* о Сухановѣ крайне незначительна. Кромѣ статей Грета, указанныхъ на стр. 3, его имя встрѣчается въ отзывахъ Бѣлинскаго объ Алипановѣ, во II т. сочиненій Плетнева, стр. 304—305, въ замѣткѣ Н. Добротворскаго (Русск. Арх., 1888 г. кн. 2) и, наконецъ, въ магистерской работѣ прив.-доц. Трубицына „О народной поэзіи въ литератур. обих. первой трети 19 в.“.

Отдельныя изданія произведеній Суханова вышли: въ 1828 г. „Басни, пѣсни и разныя стихотворенія“, въ 1836 г. — „Мои сельскіе досуги“ и „Время не празднично“, въ 1840 г. — „Древнія русскія стихотворенія“ и въ 1841 г. — „Древнія русскія стихотворенія, служащая дополненіемъ къ Киришѣ Данилову“.

**) Обработка и первоначальная свodka матеріаловъ для данной работы были исполнены временно прикомандированнымъ къ Центральной Гидро-метеорологической Станціи прапорщикомъ Р. П. Сычевымъ, которому и приношу здѣсь мою глубокую признательность.